

С. А. Фомичев

ПУШКИНСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА

ЗНАК
Москва
2007

БАЛЛАДА ПУШКИНА О РЫЦАРЕ БЕДНОМ

На поиски литературного источника пушкинской баллады «Жил на свете рыцарь бедный...» были направлены, начиная с Н. Ф. Сумцова¹, усилия многих исследователей.

Учитывая обширную литературу данного вопроса, можно полагать, что Пушкину была известна продуктивная традиция перелицовки так называемого «Книдского мифа»², в котором в Средние века героиня Венера была замещена Мадонной, Богородицей.

Суть мифа сводилась к следующему: некий юноша в пылу игры в мяч снял мешавшее ему обручальное кольцо и надел его на палец статуи Венеры (в средневековых изводах — Мадонны). Тем самым герой оказался обрученным с богиней, которая, в конечном счете, отвратила его от земной женщины³. Но в многочисленных западноевропейских разработках данного сюжета, однако, так и не было обнару-

---

¹ Сумцов Н. Ф. Романс «Жил на свете...» // Харьковский университетский сборник в честь А. С. Пушкина (1799—1899). Харьков, 1900. С. 160—162.

² Шульц Р. Пушкин и Книдский миф. Мюнхен, 1985. К сожалению, автору этой книги осталась неизвестной статья Д. П. Якубовича на ту же тему: Якубович Д. П. Пушкинская «легенда» о рыцаре бедном // Западный сборник. Вып. 1. М.; Л., 1937. С. 227—256.

³ Кажется, Книдский миф получил отражение в судьбе св. Екатерины, как это было изложено в Четых Минеях, где говорилось о божественном обручении подвижницы: «Богородица при руку отроковицы и глагола к Сыну: “Даждь ей, чадо мое, перстень во обручение, и унести ю себе, яко сподобиши ю царствия твоего”. Тогда владыка Христос дал ей один краснейший перстень, глаголя сия: “Се днесь приемлю тя в невесту себе, невесту вечну;

жено оригинального — пушкинского — развития традиционной коллизии.

Исследовав заново источниковедческую проблему, современный автор заключает:

Загадка, характеризующая «Легенду», остается не разрешенной до конца. Однако то, что, создавая своего «Рыцаря», Пушкин выбрал форму жанра французского миракля или фаблю, не вызывает сомнения, «Легенда» — это отражение пушкинского восприятия средневековья, его понимания образа идеального средневекового рыцаря сквозь призму его личных чувств или настроений. «Легенда» — это оригинальное произведение, в котором ощущаются черты подлинности, а не подделки, что во многом определяется особенностями жанра, выбранного для рассказа о любви простого смертного к Святой Деве, жанра средневекового миракля с использованием присущих ему черт наивности, простодушия и даже примитивности. (...) Нет в старофранцузской поэзии такого миракля, но стихотворение Пушкина дает верное представление о жанре миракля⁴.

Главное своеобразие пушкинской интерпретации традиционной коллизии заключается в полном снятии (что касается первой, пространной редакции произведения) эротических мотивов. Из пушкинской легенды исчезает образ «соперницы», мечта же «рыцаря бедного» о Святой Деве исключительно набожна.

Это заметно уже в движении ряда строк от беловика ПД 891 к ПД 221, и тем более от черновой рукописи (ПД 833). Баллада Пушкина стилистически выстроена как простодуш-

сохрани убо согласие сие опасно, да не приемлеш отнюдь жехниха земного». Отметим, что день св. Екатерины отмечался 24 ноября. К ноябрьским дням 1829 года относится работа над стихотворением «Жил на свете рыцарь бедный...».

⁴ *Дмитриева Н. Л.* Стихотворение Пушкина «Легенда» («Жил на свете рыцарь бедный...»): источниковедческие разыскания // Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып. 5. СПб., 1996. С. 100.

ный пересказ любопытной истории, локально и хронологически далекой для повествователя, но тем не менее принимаемой за истину. «При сопоставлении средневековых легенд с пушкинской — возникает ощущение, что между ними остается, при несомненном сюжетном сходстве, колоссальная культурно-историческая бездна», — замечает И. З. Сурат,⁵ считая, что Пушкину в конце 1820-х годов стали ближе мотивы платонической любви и разлуки, воспеты в лирике и балладах В. А. Жуковского. Но в этом отношении характерно пушкинское замечание о Жуковском в письме к П. А. Плетневу (апрель 1831):

С нетерпением ожидаю новых его баллад. И так бывшее с ним сбывается опять. Слава Богу! Но ты не пишешь, что такое его баллады, переводы или сочинения. (...) Предания русские ничуть не уступают в фантастической поэзии преданиям ирландским и германским. Если [вдохновень] всё еще его несет вдохновением, то присоветуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о киевских чудотворцах; прелесть простоты и вымысла! (XIV, 162–163).

Именно в житийной стилистике и передана Пушкиным легенда о «рыцаре бедном». В рукописи ПД 891 это обозначено с самого начала: «Был на свете рыцарь бедный, / Молчаливый, как святой...». Прямое уподобление было позже снято, но обеты молчания, затворничества, своеобразных вериг («стальной решетки он с лица не подымал») героем неукоснительно соблюдаются⁶.

---

⁵ Сурат И. З. Жил на свете рыцарь бедный. М., 1990. С. 42. В сущности, такая же «бездна» ощущается и во многих других пушкинских произведениях: «Анжело», «Песни западных славян», «Сказка о золотом петушке» и т. п.

⁶ В том же значении дается и определение рыцарю — «простой». Ср. в русских пословицах: «Нас простых и Бог простит», «В простых сердцах Бог почивает», «Где просто, там Ангелов состо» (*Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1980. С. 512*).

Ср. в «Житии Сергия Радонежского» об Исаакии-молчальнике:

И тако пребысть млъча вся дни живота своего, по реченому: «Азь же быхъ, яко глухъ, не слыша, и яко нѣмъ, неотвѣрза усть своихъ». И тако подвизався великимъ въздържаниемъ, тѣло свое удручаа ово постомъ, ово бдѣниемъ, ово же млъчаниемъ, конечнее же послушаниемъ до послѣднего своего издыханія⁷.

В пушкинской выписке из Четыхъ Миней о преподобном игумене Савве также отмечается:

Тамъ святыи иночествовалъ въ безмолвіи, терпя ночныя морозы и тяготу вара дневнаго⁸.

Общим местом агиографии было описание чудесного явления Богородицы. См., например, в «Житии Сергия Радонежского»:

И се свѣтъ велии осени святого зѣло, паче солнца сияюща; и абие зреть пречисту, с двема апостолма, Петромъ же и Иоанномъ, в неизреченнѣи свѣтлости облистающася⁹.

В «Житии Елиазара Анзерского, написанном им самим»:

В день недельный, во святыи постъ, видехъ святую богородицу на литургии умнымъ окомъ: стояща предъ образомъ своимъ большимъ от леваго крылоса, лицемъ на церковь. И нача мы на сходѣ пѣти оба крылоса стихъ «О тебѣ радуется обрадованная» задостойна. Она же не двинуся с того мѣста и ста посреде насъ съ молчаниемъ, стояла до скончания стиха того. Мы же пропевше поклонишася по обычаю, она же тако же поклонися и невидима бысть¹⁰.

⁷ Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 374 (далее – ПЛДР).

⁸ Рукою Пушкина. 2-е изд. М., 1997. С. 87. Следует отметить, что «безмолвие» в житийной литературе означало обычно «несуетность», «уединение».

⁹ ПЛДР. XIV – середина XV века. С. 394.

¹⁰ ПЛДР. XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 303.

В «Житии Елифания»:

И найде на мя яко сонъ. И слышу — богородица руками своими больную руку мою осязаетъ. И преста рука моя болѣти и от сердца моего отъиде тоска, и радость на меня найде¹¹.

Встреча «рыцаря бедного» с Богородицей также описывается в житийном ключе. «Большое значение в агиографии, — замечает Л. А. Дмитриев, — имела проблема достоверности. Достоверность должна была заставить поверить читателя или слушателя жития в то, что все чудесное и необычайное, связанное со святым, было на самом деле. Чем невероятнее, сверхъестественнее рассказываемое, тем необходимее уверить читателя, что оно было и есть. Фантастическое нуждается в обрамлении конкретным и реальным. Поэтому в чудесах обозначаются точные даты, называются реальные имена, определенные географические пункты и т. п.»¹²

Отсюда и в балладе Пушкина точные приметы в локализации чуда: «Путешествуя в Женеву, / На дороге у креста...». От обета молчания «рыцарь бедный» отступает только в Крестовом походе:

«Lumen coelum, Sancta Rosa!»
Воскликнул всех громче он,
И гнала его угроза
Мусульман со всех сторон (III, 162).

Но в данном случае паладин совершает подвиг подвижничества, род миссионерства (в рыцарском духе, конечно) во славу Богородицы. В этой связи особенно выразительны латинские цитаты стихотворения. Ко времени Крестовых походов латинский язык был уже вытеснен в обиходе, но в религиозном католическом обряде оставался незыб-

¹¹ Там же. С. 326.

¹² *Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII веков. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 7.*

лемым. И то, что герой обращается к Святой Деве неизменно по-латыни, оттеняет его высокое, духовное общение с ней.

Бесовское же истолкование его подвижничества, иронически изложенное в предпоследней строфе стихотворения, поистине лукаво, так как, по народному поверию, «послушание паче поста и молитвы». В пушкинской балладе это послушание Богородице. Нередко в исследовательской литературе неизменная скорбь в духовном общении «рыцаря бедного» с Девой Марией трактуется как мотив безнадежной любви:

Проводил он целы ночи
Перед ликом Пресвятой,
Устремив к ней скорбны очи,
Тихо слезы лья рекой (III, 162)¹³.

Но для русского человека здесь отзывалась молитва «в честь иконы Пресвятыя Богородица всех скорбящих радости»:

Богородице прилежно ныне притецем, грешнии и смиреннии, и припадем, в покаянии зовуще из глубины души: Владычице, помози, на ны милосердовавши, потщися, погибаем от множества прегрешений: не отврати Твоя рабы тщи, Тя бо и едину надежду имамы.

Первая из бесовских издевок: «Он-де Богу не молился» — казалось бы, действительно открывает такому человеку дорогу в ад. Однако в концовке пушкинской баллады отзывается ее средоточие — не только композиционное, но и идейное:

(...) И себе на шею четки
Вместо шарфа привязал.
Несть мольбы Отцу, ни Сыну,

---

¹³ В черновой редакции первоначально было: «Пред ее кумиром ночи / На коленах проводил». Здесь имелась в виду статуя Мадонны (рецидив Книдского мифа).

Ни святому Духу век
Не случилось паладину,
Странный был он человек (Ш, 161).

Здесь нужно вспомнить об особой специфике христианских четок.

Известные на Западе со времени крестовых походов четки особое распространение получили в XIII в. благодаря деятельности членов доминиканского ордена. При молениях употреблялись большие и малые четки. Малые четки состояли из 50 малых и 5 больших шариков, а большие, или псалтырь Марии, — из 150 малых и 15 больших; при этом каждый большой шарик помещался после десяти маленьких шариков. Молящийся читал Ave Maria десять раз, каждый раз пропуская между пальцами по одному шарик у четок, при большом же шарике читал «Отче наш». Таким образом Ave Maria читалась в десять раз больше, чем «Отче наш», и потому четки являлись хорошим средством в культе де́вы Марии¹⁴.

Можно ли сомневаться в том, что вместо шарфа «рыцарь бедный» привязал на шею «псалтырь Марии»? Между прочим, эту деталь проясняет наиболее близкий, по мнению Н. К. Гудзия (качественно преобразованный, однако), литературный источник пушкинской баллады — в рассказе из «Великого зеркала»¹⁵ о юноше, который боролся с нечестивым вождеданием к своей госпоже:

... егда изъ церкви изыде, узре выше ума человеческого прекрасную жену, всякую красоту человеческую пре-

---

¹⁴ *Скрипель М. О.* «Повесть о Савве Грудцыне» и переводные сборники религиозных легенд конца XVII в. // Тр. отд. древнерусской литературы. Т. 3. М.; Л., 1936. С. 111–112.

¹⁵ См.: *Гудзий Н. К.* К истории сюжета романа Пушкина о бедном рыцаре // Пушкин. Сб. 2 / Под ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л., 1930. С. 145–158. Здесь прослежена история бытования рассказа, помещенного в «Великом зеркале» из польского сборника «Wielkie Żwierciadło» и, в свою очередь, восходящего к средневековому сборнику «Speculum Magnum».

восходяще, и сїя рече ему: «Возлюбила ли ти ся красота моя?» Онъ же отвеща: «Никогда же сицевыя жены видехъ». И паки рече ему: «Довлеетъ ти уневестися мне?» К ней же отвеща онъ: «И царь убо блаженъ бы былъ, который бы возмогъ уневестится тебе». Она же рече к нему: «Се азъ хошу уневеститься тебе. Приступи ко мне» — и подаде ему лобзати десницу и рече ему: «Ныне уневещение наше начатся, но онаго дне пред сыном моимъ совершение будетъ». При семъ словеси позна, яко пресвятая Богородица-дева бысть (...) И того времени душу господеве предаде, да обещанного брака и веселия вечнаго на небеси не лишится.

Во французском оригинале этого рассказа миракль носит название «О рыцаре, который должен произносить 150 раз молитву Ave Maria».

Но почему же пушкинский герой постоянно пропускал большие шарики своих четок?

Здесь отражено особое, как в католичестве, так и в православии (западная легенда в стихотворении Пушкина передана русским рассказчиком), почитание Святой Девы. Обследовав чрезвычайно продуктивное в западноевропейской литературе распространение Книдского мифа (в его христианском изводе), Д. П. Якубович пишет:

Альфред Мори в своей книге «Верования и легенды средних веков» метко замечает, что «Мария стала являться с XI в. настоящим четвертым лицом Троицы»¹⁶.

Для учения Православной Церкви был неприемлем католический догмат о неприкосновенности греха к природе Богоматери (*immaculata conceptio*).

---

¹⁶ Якубович Д. П. Пушкинская «легенда» о рыцаре бедном. С. 241. В некоторых масонских ложах проповедовалась идея «божественной четверицы», в соответствии с которой Богоматерь считалась четвертой божественной ипостасью (Серков А. И. История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 61).

Святая православная Церковь (...) всегда исповедовала и исповедует, что Святой Дух низшел на Деву чистую, низшел на невесту невестную — так именует Церковь Божию Матерь, — соделал чистую пречистой, чистую по естеству соделал чистую превыше естества. (...) Паписты, приписывая Богоматери безгрешие, этим самым высказывают свое недоверие к всемогуществу Божию. Но православная Церковь прославляет всемогущество и величие Бога, соделавшего зачатую и рожденную во грехе несравненно вышею Херувимов и несравненно славнейшую Серафимов, никогда не познавших греха, постоянных в святости¹⁷.

При этом в западноевропейских фаблю и мираклях (как и в живописи) Святая Мария наделена чувственностью, что отражено отчасти уже в ее наименованиях: Мадонна, Notre Dame. В русской традиции же Она неизменно Матерь Божия, Богоматерь, Богородица (так и в стихотворении о «рыцаре бедном»).

В сущности, роль Богородицы в православии (особенно народном) оказалась еще более радикальной, нежели в католичестве.

По наблюдению В. В. Розанова, русский народ свел христианство к почитанию Божьей Матери¹⁸.

Ощущением именно такой святости проникнут весь Киево-Печерский патерик, особенно внимательно прочитанный Пушкиным. Печерский монастырь начинался со строительства церкви Успения Богородицы — впоследствии главного собора обители, который был основан по повелению свыше, проявленному в чуде, осиявшем св. Антония:

И пловущимъ намъ, бысть буря велиа, яко всѣмъ намъ
отчяются живота своего (...) И се видѣхъ церковь горѣ и

---

¹⁷ Изложение учения православной Церкви о Божией Матери. Составлено святителем Игнатием Брянчаниновым. СПб., 1990. С. 17.

¹⁸ *Розанов В. В. Религия и культура // Розанов В. В. Сочинения. Т. 1. М., 1990. С. 444, 558.*

помышляхомъ, каа си есть церковь? И быхъ свыше гласъ к намъ, глаголай: «Еже хоцетъ създатися от преподобнаго во имя Божиа Матере...»¹⁹.

Чудесное видение посетило и церковных мастеров:

И видѣхомъ царицу и множество вои отъ ней, поклонихомся ей, и та рече къ намъ: «Хошу церковь възградити себѣ на Руси, в Киевѣ». (...) Она же рече яко: «Имя себѣ хошу нареци». Мы же не смѣхомъ (не смели) еа воспросити: «Како ти есть имя?» Сии же рече: «Богородична будетъ церьки» (с. 302).

И впредь Богородица оставалась неизменной покровительницей обители, чудесно споспешествуя ей во всех делах и испытаниях.

Разумеется, в Киево-Печерском патерике, как и в других религиозных памятниках древнерусской книжности, особое почитание Богородицы не нарушало православных канонов, например:

Мастеромъ бо олтарь мусиею кладущимъ, и образъ пречистѣй святѣй владычици нашей Богородици и приснодевѣ Марии самъ въобразися, всѣмъ же симъ внутрь сущимъ олтаря, покладываху мусиею, Алимпий же помогаа имъ и учася, — и видѣвше вси дивное и страшное чудо: зрящимъ имъ на образъ, и се везапу просвѣтися образъ владычица наша Богородица и приснодевы Мариа паче солнца, и не могуще зрѣти²⁰, падоша ниць ужасни. И мало возникше, хотяху видѣти бывше чудо, и се изъ усть пречистыа Богоматере излете голубъ бѣль, и летяше горѣ ко образу Спасову, и тамо скрыся (с. 458).

---

¹⁹ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век. СПб., 1997. С. 298. Далее ссылки на Патерик даются с указанием страниц в тексте.

²⁰ Такой повторяющийся в житиях мотив о явлении Богородицы (сравнение Ее с солнцем), возможно, определил строку пушкинского стихотворения: «С той поры, сгорев душою...».

«Бедный рыцарь» же, «духом смелый и прямой», предан послушанию исключительно Святой Деве. Потому и посты («не ведал де поста») для него несущественны, так как в ортодоксальном христианском мироощущении они связаны с поклонением Христу, вплоть до еженедельных постов по средам и пятницам, в качестве постоянного напоминания христианам о самых трагических днях Страстной недели. И впускает в «царство вечно» своего паладина Богородица сама, не испрашивая заступничества у Сына; ср. в «Житии Авраамия Смоленского», где повествователь восклицает:

Прошу милости, помощи от господи и все упование имѣа, надежу и помощь възлагаю на пресвятую и пречистую дѣву Марию, та бо имать болѣ всѣх дерзновение к сыну и богу нашему Иисусу Христу, молящися с всѣми бесплотными силами и съ всѣми святыми, могущи мя спасти и избавити от всѣх бѣдъ²¹.

Разумеется, нельзя расценивать балладу Пушкина как свидетельство его безбожия (что нередко делалось), тем более кощунства. Рассказчик в этом стихотворении стилистически отстранен от автора, который воспроизводит народную легенду. В наивном²² повествовании о «рыцаре бедном» воссоздана почерпнутая в житийной литературе «прелесть простоты и вымысла». Недаром в бумагах Пушкина сохранилась его выписка из Четьих Миней:

Житія и похвалы Святыхъ подобятся свѣтлостію звездамъ: яко же бо звезды положеніемъ на небеси утверждены суть, всю же поднебесную просвѣщаютъ, тыя же и от Индіанъ зрятся, нескрываются отъ Скифовъ, землю озаряютъ и морю свѣтятъ и плавающихъ корабли управляютъ:

---

²¹ ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 98. Ср. также апокрифическое, заимствованное из Византии «Хождение Богородицы по мукам».

²² Замечательно в этом отношении словцо «конечно» (так в беловом автографе ПД 221) в последнем четверостишии окончательного текста.

их-же именъ аще и не вѣмы множества ради, обаче светлой добротѣ ихъ чудимся. Сице и светлость Святыхъ, аще затворены сугъ мощи ихъ во гробѣхъ, но силы ихъ в поднебесней земными пределами сугъ не опрѣделенны. Чудимся тѣхъ житію и удивляемся Славѣ, Ею-же Богъ угодившія ему прославляетъ²³.

---

²³ Рукою Пушкина. С. 552.